

[illegible][illegible]

— Брайнт повернулся в
кресле и открыл глаза. — Ну,
что нового?
— Кин махнул рукой по на-
правлению окна и сказал:
— Один дача не побил меня.
Брайнт лехеульнул и на-
смешливо сказал:
— Своето спастегит! И чем
вызволитли ги гней?
— Тем, что мы не поаботи-
лись снаблгт «остров» шпиги-
нами и спастегитными поас-
ками, что мы не оставили ни од-
ного парода.
— Но кто же мог этого ожи-
дать?
— Они больше не распы-
ривают на нас и валили за-
дом сами. И знаете, они сов-
сем не плохо организавались.
Дефини них оказались толковые
и оловы.
— И что же сделали эти
толковые голыи?
— Они набрели комитет
спасения. Они создали милли-
оны, быстро преждатили де-
лов, арестовали нескольких
гунимов...
— Басте Советов. Ну, а
кальше?
— Дашле они постанови-
ли: соборть все имещесся на
«остров» деревю и из него
сформувать глоты.
— Какое же на «острове»
поажет быть деревю, кроме
домовых стволы?
— Да, и сомкангю, на
«острове» очень мало деревю,
по все же его можно найти:
посик, плетесия, кресла, две-
рь...
— Дауршарт згания, строе-
ный? Ломать мебель? Это не-
возможно. Нас еше могут
поймать. Вы опоздали со
своими расчесываниями, мистер. Да и
вы же сами говорили о том,
что вы не кангити и не гудер-
пасте мне обо всем этом?
— Толкуе в порядке инфор-
мации. Притом, вам так же
важно поаботиться о глоты.
Брайнт ничего не ответил.
Голыа он ушел. Брайнт оста-
лся понаблгт, позовали слухе,
Толга Брайнт сам прошел в
кухню, вскрыл корыду консер-
вного кофе и отравлялся, вышил холо-
днеегине — глоты не работат,
на самей верху галангити. Он
ничегит заерсился здесь, чтобы
глоты подальше от Китая и ко-
лигте спасения.
Брайнт заглянул в окно и
лигт поражен замешавшимся
«острова» осел. Голыа-то не
он один уловлен моря Гелерг-
полгнянгл на на дашател мет-
но над уловлен моря Гелерг-

— Что же вы предлагаете?
— Рассчитывать только на себя и искать путей спасения, о Лолу. О уже осел на два метра. —
— Ищите. — безучастно от-
ветил Брайнт. Кин подумался,
и тленно и воскликнул:
— Я вижу, вы совершенно
забываете катэстрофу, мс-
тер. — Кин резко повернулся
выбжался из комнаты.
Брайнт печально улыбнулся
закрыл глаза...
Шум за окном раскатыл его.
Брайнт открыл глаза и тотчас
замкнулся, освещенный яр-
ким светом.
— Мистер Брайнт, мистер
Брайнт! Вы не спите?
— Ах, это опять вы, мистер

[illegible]

Фантастика Александр Беляев, конечно, увлекает невероятно. И все же научные и технические предположения никогда не были единственной целью автора. Правда, он вспоминал, что повесть «Голова профессора Доуэля» обсуждалась преподавателями и студентами Ленинградского мединститута с точки зрения научной. Но это переплетение фантастики и науки только доказывает серьезность жанра, способность реального влияния книги на жизнь.

Герои Беляева одержимы необычной идеей. Но эта идея, как часто бывает в жизни, способна служить и добру, и злу. Очень важно, в чьи руки попадает изобретение, для чего оно будет использовано.

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР

Высокий, грузный председатель правления инженер Гейден сидел за большим письменным столом и перебирал папки. Маленькие, живые глаза и медлительные движения толстых рук придавали ему сходство с добродушным медведем. Лампа ярко освещала стол. Большой кабинет тонул в полумраке. Только под потолком, у книжных шкафов, блестя алюминийем двухметровая модель последнего дирижабля, словно он парил высоко в темном небе.

Тяжелая дверь бесшумно открылась. Прозвучал голос секретаря:

— Господин Шеринг.

— Прощу, — коротко равкнул Гейден и тяжело поднялся навстречу гостю.

Бесшумно ступая по ковру, к столу подошел подвижный, полный, короткий, гладко выбритый старик с волосами, блестящими, как покров алюминиевого дирижабля. Шеринг — банкир, заводчик, миллионер, один из столпов акционерного общества «Дирижабль», поздоровался с Гейденом, уселся в глубокое кожаное кресло, вынул из бокового кармана сортуга газетную вырезку, небрежно бросил ее в освещенное поле стола и спросил:

— Читай?

Медведь косил, прищурив, свои маленькие глаза, быстро пробежал заметку и так же коротко ответил:

— Разумеется.

— Это не должно быть, — многозначительно сказал Шеринг.

— Этого не должно быть! — прорывал Гейден. На минуту глаза их встретились, — глаза заговорщиков, понимающих друг друга с полуслова. Затем Гейден сделал на газетной вырезке пометку красным карандашом, нечто вроде кवाद

В самом деле, интересна ли сегодня история создания и разрушения искусственного острова из льда, служившего для посадки межконтинентальных самолетов? Не слишком ли прямолинейна борьба двух монополий, попытки уничтожить изобретение конкурента? Внимательный читатель, конечно, поймет фавульную слабость рассказа. Но ведь не одной фавулой держится рассказ. Писатель заглядывает в глубь общества, в котором технический прогресс опережает нравственный.

Рассказ Беляева характерен для середины тридцатых годов (он опубликован в журнале

ратного корня, под которым написал цифру «17». Надавил кнопку звонка. Передал заметку вошедшему секретарю.

— К немедленному исполнению, Штольц! — и подвинул к Шерингу коробку с сигарами. Деловой разговор был кончен.

Секретарь ушел. Шеринг, покурявая ароматную сигару, поболтал еще несколько минут о том, как успешно прошла последняя репетиция «газовой атаки», о парадах, о политических новостях — и ушел.

А секретарь Штольц, сидя в своем небольшом кабинете, уставленном телефонными, телеграфными и радиоаппаратами, уже начал действовать.

Смысл поручения для него был ясен. В газетной вырезке сообщалось о том, что плавучий аэродром — искусственный остров, сооруженный в Атлантическом океане на пути между Европой и Америкой, вчера готов и скоро должен вступить в эксплуатацию. Остров сооружался американцами. И этот искусственный остров грозил нанести непоправимый удар акционерному обществу «Дирижабль». До настоящего времени это общество было почти монополистом в постройке дирижаблей. Самый опасный конкурент — США — вышел из игры после гибели нескольких крупных дирижаблей. Атлантический океан все еще представлял непреодолимое препятствие для установления регулярного аэроплатного сообщения между Северной Америкой и Европой. И «Дирижабль» имел все шансы захватить в свои руки воздушный транспорт через океан. Искусственный остров опрокидывает все расчеты. При его помощи аэроплатники смогут успешно конкурировать с дирижаблями. Акционерному обществу будет нанесен непоправимый удар.

«Юный пролетарий», 1935, № 12). Немного наивный, немножко прямолинейный, с четким представлением о том, где черное и где белое, кто враг и кто друг.

Но за кажущейся простотой открывается проблема гораздо более сложная. В сущности вся Земля — такой же остров, плавающий во Вселенной. И Механизм должен быть неподкупным...

Остается добавить, что рассказ А. Беляева в собрания его сочинений не включался и печатается по тексту первой публикации.

Вступительные статья и публикация В. ГРЕКОВА.

Но и этого мало. «Остров» представляет собою и военную угрозу. Если в Европе вспыхнет война и Америка примет в ней участие, то при помощи «острова» США могут быстро перебрасывать в Европу свои эскадрильи, свои военные силы. Ключи воздушных путей через океан во что бы то ни стало надо держать в своих руках. Все попытки, стоившие миллионы на подкупы нужных людей, чтобы расстроить это дело в самом начале, не удались. «Остров» построен. Его необходимо уничтожить. Уничтожить умно, ловко, не возбуждая подозрений. И тогда — тогда победа почти обеспечена. При современном кризисе в США едва ли найдутся средства и охотники на новую попытку. Сама идея — смелая, грандиозная идея постройки искусственного острова среди океана — будет недолго скомпрометирована.

НАД ОКЕАНОМ

Большой сорокаместный пяти-моторный пассажирский аэроплан-амфибия летел над Атлантическим океаном. Кабины были загружены ящиками. В аэроплане находились только два пассажира: инженер Дэнхем и журналист Вэйлдон. Оба высокие, стройные, с типичными бритыми лицами американцев. Дэнхему было лет под сорок, Вэйлдон выглядел юншей. Они сидели возле окна в пустой кают-компании. На откидном столике перед Вэйлдоном лежала записная книжка и вечное перо. Он курил короткую трубку и, по привычке журналистов «все видеть, все слышать», заглядывал в окно, слушал Дэнхему и время от времени заносил в записную книжку стенографические иероглифы.

Казалось, амфибия летит в центре огромного стеклянного пространства: внизу — вогнутая зеле-

брызги волн падали на бетонные дорожки. На той стороне, где стояло тяжелое здание гостиницы, волны перекатывались через железные перила «набережной» и заливали цветочные куртины. Жгучие лучи солнца расплавляли сквозяз слой земли не возобновляемому большому подпочвенную «вечную мерзлоту». Она таяла, пропитывая влагой землю, которая превращалась в жидкую грязь. Зеркала аэродрома отбрасывало солнечные лучи. На «острове» получалось неравномерное нагревание почвы. Вследствие этого земля, окружающая аэродром, пучилась, поднималась буграми. Пальмы, как пьяные, шатались и падали.

Всюду слышался треск. Возбужденные люди шлепали по грязи, ломали беседки, скамейки... На аэродроме кипела работа. Веревками, тросами, проводами рабочие связывали в плиты доски, обломки мебели, плетеные кресла...

Опытный взгляд Брайнта с некоторым удивлением отметил, что работа была хорошо организована. «Островитяне» действительно готовились спасти свою жизнь...

А он?.. Впервые Брайнт осознал всю серьезность положения. С тоскою и надеждой посмотрел он на океан. Он был пустынен до самого горизонта...

НА ПЛОТУ

— Вот нас только двое осталось, — сказал рыжий.

— Больше воды и сухарей останется, — просто ответил черноволосый.

Рыжий был человек лет сорока геркулесовского сложения. Черноволосый — еще молодой человек, худой и костлявый.

Плот качался на волнах. Солнце неизменно падало. Этому жаркому дню, казалось, не будет конца.

Изнемогая от зноя и жажды, два человека лежали пластом, прикрыв головы куском полострой парусины. Другой кусок прикреплен к палке в виде флага. Можно было подумать, что люди уже мертвы, так неподвижно они лежали.

Когда солнце склонилось, наконец, к горизонту, жар спал, и повеяло прохладой; рыжий зашевелился.

— Можно попить и закутить, — сказал он. Черноволосый молчал.

— У тебя удар?

— Нет, — глухо отозвался черноволосый, не поднимая головы.

— А я уже хотел за упокой души и твою порцию воды выпить. Вставай, дружище.

Черноволосый тяжело под-

нялся на локтях. Они молча сели по сучарю и выпили из бидона по несколько глотков воды.

— Да, — заговорил рыжий после скудного обеда. — Так-то. Живешь, живешь, а умирать однажды приходится. Один умирает на луховой кровати, другой вот так-то, на плоту. Ну, я, положим, заслужил такую смерть. Да, если бы не я, то и «остров», пожалуй, стоял бы на своем месте..

Черноволосый повернул голову, чтобы лучше слышать.

— Продай я всех. Продай и предал. — Он помолчал и, убедившись, что черноволосый слушает, продолжал:

— Служил я на строительстве «острова» водолазом. И служил там инженер Смит или Шмидт, белокурой такой. Не встречал? И вот вечером, когда последний пароход уж под парами стоял, Смит подзывает меня и тихо говорит:

— «Ты якорную цепь сваривал под водой?»

— «Я сваривал».

— «Хочешь хорошо заработать?».

— «От заработка никогда не отказываюсь», — говорю.

— «Так вот, — говорит Смит, — тысячу долларов заработаешь, если сделаешь, что прикажу. Вот тебе задаток. Половина», — и сует мне кошелек с золотыми монетами.

— «Остальное получишь, когда сделаешь».

— «А что делать надо?».

— «Опустишься, — говорит, — под воду и якорную цепь перережешь».

«Я было отказываться начал, и даже кошелек сую ему обратно. Я не душегуб какой. Да и своя голова дорога. Начал он меня убеждать, что никакого душегубства тут нет, а одни законы конкуренции. Ему-де доказать надо, что весь проект «острова» неправильный был, а что если «остров» с цепи сорвется, то это и будет доказано. И что тогда другой «остров» по его проекту строить будут, — значит рабочим новая работа. А как только «остров» с якоря сорвется, всех людей на этом пароход посадят, и ни одна душа не узнает. Скажут — расчет неправильно сделан».

«Подумал я: законы о конкуренции меня не касаются. Пусть капиталисты друг другу ложку подставляют», — и согласился».

«К якорной цепи под водой села железная лесенка. Путь знакомый. Сколько раз я по ней лазал. Но риск был все-таки немалый, если ты понимаешь в водолажном деле. Водолаза одеть надо — шлем надвинуть, а потом развинтить. Один человек на часах стоит.

один на сигнале, один на помпе. Трое-четверо одного водолаза обслуживают. А тут — одному справиться. Смит обещал скарфандр снять, когда вернусь. Без человека на помпе обойтись можно. Компрессор у нас был электрический. А все же риск. Вдруг зашлатил компрессор. Справился я скоро — железом электричеством, как масло ножом, режется. Поднялся на «остров» — нет Смита. Оглядываюсь, пароход уходит. Обманул, значит. Стою я, одауренный, и скарфандр с меня снять некому. Думаю, как...».

Вблизи мелькнул плавник акулы. Один бок плота вдруг резко приподнялся.

— Держись...

Рыжий и черноволосый скатились в воду. Плот накрыл их. Над водой показалась рука рыжего и быстро погрузилась.

ОТВЕТНЫЙ ВЗИТ

Гейден вошел в кабинет Шеринга, поздоровался, положил перед хозяином газету с отчеркнутой статьей и молча уселся в кресло. Шеринг быстро просмотрел статью.

**«ГИБЕЛЬ
ОСТРОВА-АЭРОПОРТА»**

«Наконец, мы получили достоверные сведения о судьбе столь загадочно исчезнувшего острова-аэропорта неудачливого инженера Дэнхема.

Океанский пароход «Стаар», совершающий рейсы между Лондоном и Рио-де-Жанейро, подобрал в океане 27 человек, плывших на плотках. Спасенные оказались рабочими с «острова-аэропорта», который, по их словам, погрузился в океан вследствие того, что холодеянки оказались испорченными и «ледяной остров» растаял.

Инженер Дэнхем покончил самоубийством. В оставленном письме он обвинял в гибели «острова» своего соперника на конкурсе проектов мистера В. Судебное следствие установило, однако, непричастность В. Причиной гибели «острова», по всей вероятности, являются технические ошибки при проектировании.

Убытки акционерной компании определяются в сорок миллионов долларов».

Шеринг прочитал, улыбулся и многозначительно спросил Гейдена:

— Fertig? (готово?).

— Klar! — по-морскому ответил Гейден.

Его медвежий глазки смеялись.

— Ну, а теперь обедать. Я так таким мозельвейном уго-...